

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)6
У71

У71 **Уроки Октября и практики советской системы. 1920–1950-е годы** : Материалы X международной научной конференции. Москва, 5–7 декабря 2017 г. – М. : Политическая энциклопедия ; Президентский центр Б. Н. Ельцина, 2018. – 919 с. : ил. – (История сталинизма. Дебаты).

ISBN 978-5-8243-2254-5

Десятая конференция из цикла «История сталинизма» проводилась в год столетия российской революции, которая открыла новую эпоху в истории России и оказала огромное воздействие на мировое развитие. Исследование революционных импульсов в контексте российской и мировой истории составляет одно из важных направлений современной историографии. Традиционно оценки наследия 1917 года варьируются между двумя крайними подходами, хотя и не сводятся к ним. Сторонники первого исходят из категорического разделения собственно революционного и послереволюционного этапов, ленинизма и сталинизма. Приверженцы второго считают сталинскую диктатуру неизбежным порождением большевистского переворота. В центре внимания конференции было исследование таких взаимосвязей, изучение преемственности и разрывов в развитии советской истории с 1917 года до начала 1950-х годов, в периоды раннего большевизма и сталинизма. Разговор о предпосылках и исторических условиях становления сталинской диктатуры шел в рамках широких подходов к изучению эволюции и скачков в становлении и развитии советской системы в совокупности политических, социальных, культурных, идеологических, экономических практик.

В конференции приняли участие специалисты из Австрии, Белоруссии, Германии, Дагестана, Италии, Казахстана, Литвы, России, США, Узбекистана, Украины, Швеции, Эстонии и др.

Издание адресовано научным работникам, всем интересующимся социальной и политической историей России.

*Конференция состоялась, и настоящее издание подготовлено
благодаря финансовой поддержке
Президентского центра Б. Н. Ельцина*

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)6

ISBN 978-5-8243-2254-5

© Коллектив авторов, 2018

© Политическая энциклопедия, 2018

А. Резник

ЛЕВ ТРОЦКИЙ И ПРОБЛЕМА КУЛЬТА ВОЖДЯ В 1917–1927 гг.

«Культ личности» является одним из немногих понятий, которые напрямую ассоциируются с историей сталинизма. В актуальной исследовательской литературе культ личности И.В. Сталина рассматривается в общеевропейском контексте авторитарных и тоталитарных политических практик. Оставляя в стороне непрекращающиеся дискуссии о природе власти в период сталинизма, я хочу перенести фокус на первое пореволюционное десятилетие советской истории, чтобы поставить вопрос о разнообразии и смыслах культов политических лидеров. Лев Давидович Троцкий выступает своеобразным архетипом падения с вершин власти и демонизации. Как будет показано далее, в 1918–1923 гг. вокруг Троцкого формировался культ вождя, который вскоре был деконструирован в процессе политической борьбы в 1923–1927 гг.

Среди исследователей продолжаются дискуссии о содержании понятия культа личности. Традиционно этот феномен закреплён за исследователями тоталитарных диктатур¹. Принимая во внимание обширную историографию вопроса, в этой статье будет кратко затронута проблематика ранних советских культов². Для понимания последнего важен европейский контекст, например, культ Ю. Пилсудского, возникший в Польше в 1917 г., и межвоенный культ президента Чехословакии Т. Масарика³. Аргумент Я. Плампера гласит, что современный культ личности несёт на себе родовые черты «современности» (секуляризация, омассовление производства, образования,

¹ См. наиболее известный сборник: *The Leader Cult in Communist Dictatorships: Stalin and the Eastern Bloc* / В. Apor et al (eds.). Houndmills, 2004.

² См. основные концептуальные подходы к изучению культа Ленина: Тумаркин Н. *Ленин жив! Культ Ленина в Советской России*. М., 1997; Эннкер Б. *Формирование культа Ленина в Советской России*. М., 2011.

³ Hein H. *Der Pilsudski-Kult und seine Bedeutung für den polnischen Staat 1926–1939*. Marburg, 2002; Orzoff A. *The Husbandman: Tomáš Masaryk's Leader Cult in Interwar Czechoslovakia* // *Austrian History Yearbook*. 2008. № 39. P. 121–137.

медиа), но возможен он лишь в «закрытых» обществах, поэтому даже культ Ленина не подпадает под определение современного⁴. Но Б.И. Колоницкий аргументировано поставил вопрос о «культе Керенского» в качестве революционного, военного и народного вождя, повлиявшем на последующие советские практики⁵.

При всех важных различиях в целях и средствах, что же объединяет культы этих военных и политических лидеров, включая Троцкого? На уровне политических практик центральную роль играет сакрализация объектов, идей и процессов, т. е. противопоставление обыденному порядку вещей⁶. Сакральный образ вождя, воплощающий в себе политические представления социальных групп, служит мобилизующим, легитимирующим и, следовательно, оспариваемым символом власти. Мифы и ритуалы дополняют инструментарий политической коммуникации с репертуаром воспроизводимых сценариев и правил игры⁷. Такой констелляцией культ лидера отличается от своих необходимых, но недостаточных атрибутов – авторитетности и популярности.

В 1917 году Троцкий приобрел широкую известность и популярность. После июльских событий на страницах большевистской прессы Троцкий именовался «вождем», а в сентябре он стал и вождем «по должности», возглавив Петроградский Совет, в качестве которого и сыграл огромную роль в организации вооруженного восстания. Хотя Троцкий уступал Ленину в величине авторитета, в послеоктябрьский период антибольшевистские силы часто именовали Совет народных комиссаров правительством «Ленина и Троцкого». Имя наркома иностранных дел было у всех на слуху в связи с мирными переговорами в Брест-Литовске, но восприятие его деятельности даже среди сторонников советской власти было как минимум противоречивым.

В марте 1918 г. Троцкий становится наркомом военных дел, но в первые месяцы он сохранял привычный образ штатского министра. Так, еще в июле на V Всероссийском съезде Советов он заявлял, что не является «любителем военного стиля»⁸. Но уже в августе Троцкий радикально изменил свой стиль. Тогда был сформирован и отправлен

⁴ Плампер Я. Алхимия власти. Культ Сталина в изобразительном искусстве. М., 2010. С. 45.

⁵ Колоницкий Б.И. «Товарищ Керенский»: антимонархическая революция и формирование культа «вождя народа» (март–июнь 1917 года). М., 2017. С. 14, 500.

⁶ См. о значении сакральности: Плампер Я. Алхимия власти. С. 11–13.

⁷ См. о взаимодействии мифов, символов и ритуалов: Hein-Kircher H. Führerkult und Führermythos. Theoretische Reflexionen zur Einführung // Der Führer im Europa des 20. Jahrhunderts / В. Ennker, H. Hein-Kircher (Hg.). Marburg, 2010. S. 8–11.

⁸ Пятый Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов. Стеногр. отчет. Москва, 4–10 июля 1918. М., 1918. С. 31.

на Восточный фронт поезд наркомвоена, представлявший собой отборную команду администраторов и пропагандистов. Стиль Троцкого зримо милитаризируется: на публике он, как правило, выступает в шинели (иногда в кожанке). Как и в случае Керенского, происходит «соединение революционной и военной традиций»⁹.

30 августа 1918 г. произошло покушение на Ленина, событие, которое в отношении Троцкого невозможно переоценить. Во-первых, создается Революционный военный совет (Реввоенсовет) и Троцкий становится его председателем. Во-вторых, нахлынула первая волна сакрализации Ленина, в том числе усилиями Троцкого, чья речь «О раненом», произнесенная 2 сентября на заседании ВЦИК, получила широкое распространение¹⁰. Вслед за тем произошли события, послужившие «мифом основания» для культа Троцкого. 12 сентября была взята Казань. Подчеркивая значение победы, в газетах публикуется поздравительная телеграмма Ленина, адресованная Троцкому. После взятия Самары 7 октября «Известия» публикуют поздравление члена ЦК А.А. Иоффе, оформленное в вождистской стилистике: «Честь и слава победным Красным Армиям Революции, честь и слава их вождю»¹¹.

Поздравительные телеграммы направлялись Троцкому еще в сентябре, но взятие Самары закрепило практику здравий в адрес вождя и Красной армии «в лице ее вождя». Некоторые из этих многочисленных посланий были опубликованы в газете «В пути», издававшейся с 8 сентября прямо в поезде наркомвоена в качестве его «известий». В первый месяц редакция помещала преисполненные ликования поздравления и репортажи, а в статье о поезде наркомвоена был дан образ «неутомимого вождя и трибуна», написанный по лекалам военно-политической пропаганды¹². Однако в следующем номере «В пути», наряду со здравицами в честь «Красного вождя» и «творца» Красной армии, было опубликовано краткое, но примечательное письмо Троцкого: «Во избежание недоразумений и кривотолков считаю нужным заявить, что № 10 “В Пути” (как и некоторые другие) вышел в мое отсутствие. Мною предложено редакции устранить из газеты неуместный личный момент. Дело – в армии, в рабочем классе, в крестьянстве, а не в отдельных лицах»¹³. Возможно, это была прямая автоцитата из недавнего панегирика о Ленине: «рабочий класс не за-

⁹ Колоницкий Б.И. «Товарищ Керенский». С. 500.

¹⁰ Тумаркин Н. Ленин жив! С. 80.

¹¹ Известия. 1918. 9 октября.

¹² Ракай. В пути по красному фронту // В пути. 1918. 13 октября.

¹³ В пути. 1918. 14 октября. См. машинописный текст: РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 18. Л. 273.

висит от отдельных личностей». Вскоре после этого градус пафоса в газете стал понижаться, а после двухмесячного перерыва в издании газеты, скорее всего, вызванного пребыванием поезда в Москве, Троцкий пишет личное письмо новому редактору газеты: «В передовой статье № 18 имеются отзывы по моему адресу. Я считаю крайне неудобным, чтобы в газете, издающейся в нашем поезде, печатались такого рода хвалебные отзывы. Вообще прошу личный момент по возможности устранить»¹⁴. Лишь после этого из газеты был устранен «неуместный личный момент». Характерно, что в это же время Ленин потребовал прекратить дифирамбы в его адрес на страницах советской прессы¹⁵.

В ходе дальнейших событий культ вождей продолжил укреплять свои позиции. Показательным комплексом источников здесь выступают упомянутые поздравительные телеграммы и личные обращения к Троцкому, а также резолюции, в особенности со здравицами в честь вождей. Так, например, его называли «великим», «дорогим», «идейным», «истинным», «славным», «передовым», «любимым» и «честным» вождем – вождем «победоносной» армии, «великой революции», «народа», «пролетариата», «партии», «советской власти», «Интернационала» и т. д. Троцкого именовали не просто «военным вождем» или «главным вождем», но в отдельных случаях «верховным вождем и руководителем» армии и даже «главнокомандующим сухопутными и морскими войсками». В обращениях от лица простых людей чаще звучали такие традиционные нотки, как «всемилютейший» и «незабвенный» вождь, а также «брат» и «учитель»¹⁶.

В официальной пропаганде такая гиперболизация встречалась очень редко, и она была почти невысказана на страницах «Известий» и «Правды». Центральные газеты и журналы, а также пропагандистские отделы Советов и партии различались в подходах к репрезентации образов вождей, но даже в иллюстрированных журналах портреты Троцкого были редкостью. Крайне характерно, что среди множества пропагандистских плакатов не было ни одного с Троцким, только с его высказываниями. Плакат Д. Моора «Будь на страже» (1920), где присутствуют визуальные сходства и помещена цитата из Троцкого, является не более чем «криптопортретом»¹⁷.

¹⁴ Цит. по: Волкогон Д.А. Троцкий. Политический портрет. М., 1998. С. 278.

¹⁵ Бонч-Бруевич В.Д. Воспоминания о Ленине. 2-е изд., доп. М., 1969. С. 362–363, 365–367.

¹⁶ См., например, подборки телеграмм и писем: РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 126, 206, 213, 265.

¹⁷ Kämpfer F. «Der Rote Keil». Das politische Plakat Theorie und Geschichte. Berlin, 1985. S. 264.

В действительности все мужские персонажи Моора похожи друг на друга. Изображение Троцкого в образе Георгия Победоносца, вопреки расхожим представлениям, не было цветным «плакатом» 1918 или 1920 г., но известно только в виде поздней репродукции в журнале «Прожектор»¹⁸. Визуальное присутствие Троцкого обеспечивалось благодаря портретам, нередко украшавшим советские здания, особенно в праздники.

Культ Троцкого развивался параллельно с культом главного вождя, чей пятидесятилетний юбилей широко отмечался в 1920 г. Только тогда была издана первая и последняя советская биография Троцкого «Трибун революции»¹⁹. Обстоятельства написания этой книги нуждаются в отдельном исследовании, но ее автор Георгий Устинов, друг С. Есенина и ведущий пропагандист «Известий», был редактором первых выпусков «В пути». Особо важно, что он использовал автобиографию Троцкого, датированную апрелем 1919 г. «Трибун...» нередко приводят в пример сконструированного самим Троцким культа личности²⁰. Действительно, наряду с нейтральными автобиографическими вставками героя книги, пафосный стиль письма Устинова делает эту книгу современной агиографией. Хотя автор подчеркивает, что Троцкий – «не герой, не полководец, не диктатор», он называет его «стальным неутомимым человеком», «экстрактом революции, ее лицом, ее душой», «самым ярким примером революционной стойкости, революционной энергии, может быть, революционного фанатизма» и т. д. Можно предположить, что если бы Троцкий, ревностно относившейся к стилю и полиграфии, действительно хотел прославить себя руками Устинова, то в 1920 г. он мог бы способствовать ее изданию в одном из крупных издательств. «Трибун...» вышел в небольшом частном издательстве на плохой бумаге и не был замечен ни современниками, ни самим Троцким. Но это яркий пример существования советского квазирынка книжной и культовой продукции с относительно автономными инициативами, выглядевшими оригинальными даже в отсутствии канонов культа вождя.

К 1921 г. победа в Гражданской войне укрепила авторитет наркомвоена, хотя внутри партии он оставался относительно уязвимым, как показали результаты внутрипартийной «дискуссии о профсоюзах». Переход к мирной жизни, с одной стороны, позволил Троцкому уделять больше внимания более широкому кругу вопросов, но с дру-

¹⁸ Дени В. «Георгий Победоносец» (Л. Троцкий) [Рисунок] // Прожектор. 1923. № 2.

¹⁹ Устинов Г. Трибун революции: Л.Д. Троцкий. М., 1920.

²⁰ См., например: Васецкий Н.А. Троцкий. М., 1992. С. 192.

гой стороны – отсутствие зримых побед лишало культ необходимой «подпитки». Постепенное восстановление экономики приводило к производству таких артефактов культа, как жетоны, значки, бюсты, агитационный фарфор, шкатулки или платки с изображениями вождей. Шире этого ремесленного ассортимента была представлена полиграфическая продукция: так, Троцкий мог быть изображен на почтовых марках и открытках, обложках тетрадей. Имя вождя фигурирует в «революционных» именах и топографии. Наконец, образ Троцкого появляется в произведениях поэтов и писателей²¹.

Культ Троцкого достиг своего пика к началу 1923 г., когда праздновалось пятилетие Красной армии, но одновременно чествование вождя-основателя рутинизировалось, лишалось динамизма и креативности²². Однако в условиях «междоусобицы» власти, вызванного болезнью Ленина, риторика и ритуалы культа вождя армии подогревали страх бонапартизма. По свидетельствам современников, иногда слухи об опасности военного переворота и установления личной власти Троцкого намеренно распространялись теми, кто группировался вокруг «большинства ЦК» партии и «тройки» И.В. Сталина, Г.Е. Зиновьева и Л.Б. Каменева. Осенью 1923 г. в партии вспыхнула острая политическая борьба между последними и оппозиционным альянсом, возглавляемым (но не руководимым) Троцким²³. К декабрю 1923 г. усилиями «тройки» акцент сильно сместился на персоналии. Образ Троцкого – в значении «авторитета» – был инструментализирован обеими сторонами конфликта, в меньшей степени в публицистике, но в ходе многочисленных дискуссионных собраний. При этом в партийной среде, даже среди оппозиционеров, бытовали разные взгляды на авторитет. Со стороны одних звучал призыв к отказу от самой практики «ссылок на личные авторитеты» или избрание «почетных президиумов», другие, наоборот, ссылались на заслуги Троцкого и требовали обеспечить ему должное место в символическом ряду с Лениным. За исключением Петрограда, десакрализация Троцкого практиковалась с осторожностью. Как выразился один из сторонников большинства ЦК, «заслуги т. Троцкого мы уважаем, но культа героев создавать не хотим...» В этом контексте лидер оппозиционеров Е.А. Преображенский выразил взгляды многих: «Мы

²¹ См.: Резник А.В. Введение // Л.Д. Троцкий: pro et contra, антология. 2-е изд., СПб., 2017. С. 7–40.

²² См. приветственные и поздравительные телеграммы: РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 562.

²³ См. о внутрипартийной борьбе вообще и бонапартизме в частности: Резник А.В. Троцкий и товарищи: левая оппозиция и политическая культура РКП(б), 1923–1924 годы. 2-е изд. СПб., 2018.

против культа вождей, но мы и против того, чтобы вместо культа одного вождя практиковался культ других вождей, только масштабом поменьше»²⁴. Каким бы они не представляли себе масштаб культа Троцкого, армейские и военно-учебные парторганизации обеспечили ему наименьшую поддержку, если сравнивать с рабочими, служащими и особенно учащимися.

Смерть Ленина в январе 1924 г. не только упростила поражение оппозиции, но и породила новый канон общепартийного культа²⁵. В известном смысле Троцкий сам дал повод для использования этого культа против него, когда осенью 1924 г. он попытался переиграть оппонентов на поле дискредитации вождей. Так называемая «Литературная дискуссия» стала централизованной кампанией, результатом которой стало институционально-символическое ниспровержение вождя оппозиции: он был не только лишен военных должностей, но и отлучен от складывающейся «ленинистской» ортодоксии. Один из членов ЦК так передал смысл этой десакрализации: «Авторитет товарища Троцкого – это есть авторитет всей партии... и мы должны этот авторитет взять обратно, если товарищ не сумеет справиться»²⁶.

Политическая экспроприация авторитета Троцкого успешно состоялась: в 1925–1928 гг. Троцкий последовательно выбыл из руководства армии, Политбюро, из ЦК и партии, отправлен в ссылку, а затем выслан из СССР. Важным источником для оценки арьергардных боев за авторитет Троцкого являются письма советским вождям. Среди писем встречались такие прямолинейные высказывания: «Троцкий прав, пройдут годы... и знамя троцкизма воссияет над землей»²⁷. Отслеживая общественно-политические настроения, функционеры аппарата ЦК составляли сводки писем. Согласно одной из них, в 1926 г. партиец из рабочих сообщал ЦК, что «рабочие любят Троцкого больше, чем Сталина и Зиновьева», и назвал Троцкого «борцом и честным членом партии». Секретарь заводской партийной ячейки из Одессы выражал свое несогласие Н.И. Бухарину, назвавшему Троцкого «генералом без армии», потому что «с именем Троцкого связана победа пролетариата во время гражданской войны», и даже теперь, уверял он Бухарина, за Троцким стоит «насчитывающая сотни тысяч партийцев и миллионы рабочих и крестьян троцкистская армия». Наборщик типографии в своем письме прибегал к образным выражениям: «Лев русской революции не должен быть в загоне... нужно

²⁴ Цит. по: Резник А.В. Троцкий и товарищи. С. 113–114.

²⁵ Эннкер Б. Формирование культа Ленина. С. 84.

²⁶ Цит. по: Резник А.В. Троцкий и товарищи. С. 119.

²⁷ Цит. по: Булдаков В.П. Утопия, агрессия, власть. Психосоциальная динамика постреволюционного времени. Россия, 1920–1930 гг. М., 2013. С. 282.

выжечь каленым железом то пренебрежительное отношение партийных масс к тов. Троцкому»²⁸. Характерный эпизод произошел 7 ноября 1927 г. во время оппозиционных демонстраций, когда отдельные столкновения со сторонниками ЦК разгорались из-за портретов Троцкого²⁹. В последующие годы граждане могли использовать образ Троцкого в практиках политического недовольства и протеста³⁰.

Троцкий сыграл в истории революции и большевистской партии уникальную роль – одновременно субъекта и объекта дискурса вождизма: в большей степени, чем кто бы то ни был, он не только повлиял на складывание советской символической политики, но и сам превратился в символ революции и советской власти. Контекст Гражданской войны, особенно военных побед на Восточном фронте осенью 1918 г., а также мобилизация в момент кризиса, вызванного покушением на Ленина, сыграли решающую роль в появлении на свет культа Троцкого. Харизма личности Троцкого имела значение, но значительную роль сыграло то, что он олицетворял собой наделенные харизмой идеи и институты. Сакрализация и десакрализация образа вождя армии и революции отражала динамику политической коммуникации в революционируемом обществе, для которого была свойственна изменчивость и взаимопроникновение различных политических практик и смыслов, художественных приемов и стилей, личных и групповых интересов, которые не укладываются в представления о «большевистской» идеологической монополии. Культ вождя был известен и понятен многим современникам на уровне знаков и символов, более того, нередко он служил конвенциональным способом налаживания политической коммуникации.

²⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 505. Л. 29, 23, 89.

²⁹ Павлов И.М. 1920-е: революция и бюрократия. Записки оппозиционера. СПб., 2001. С. 91.

³⁰ См., например: Rittersporn G. *Anguish, Anger, and Folkways in Soviet Russia*. Pittsburgh, 2014.